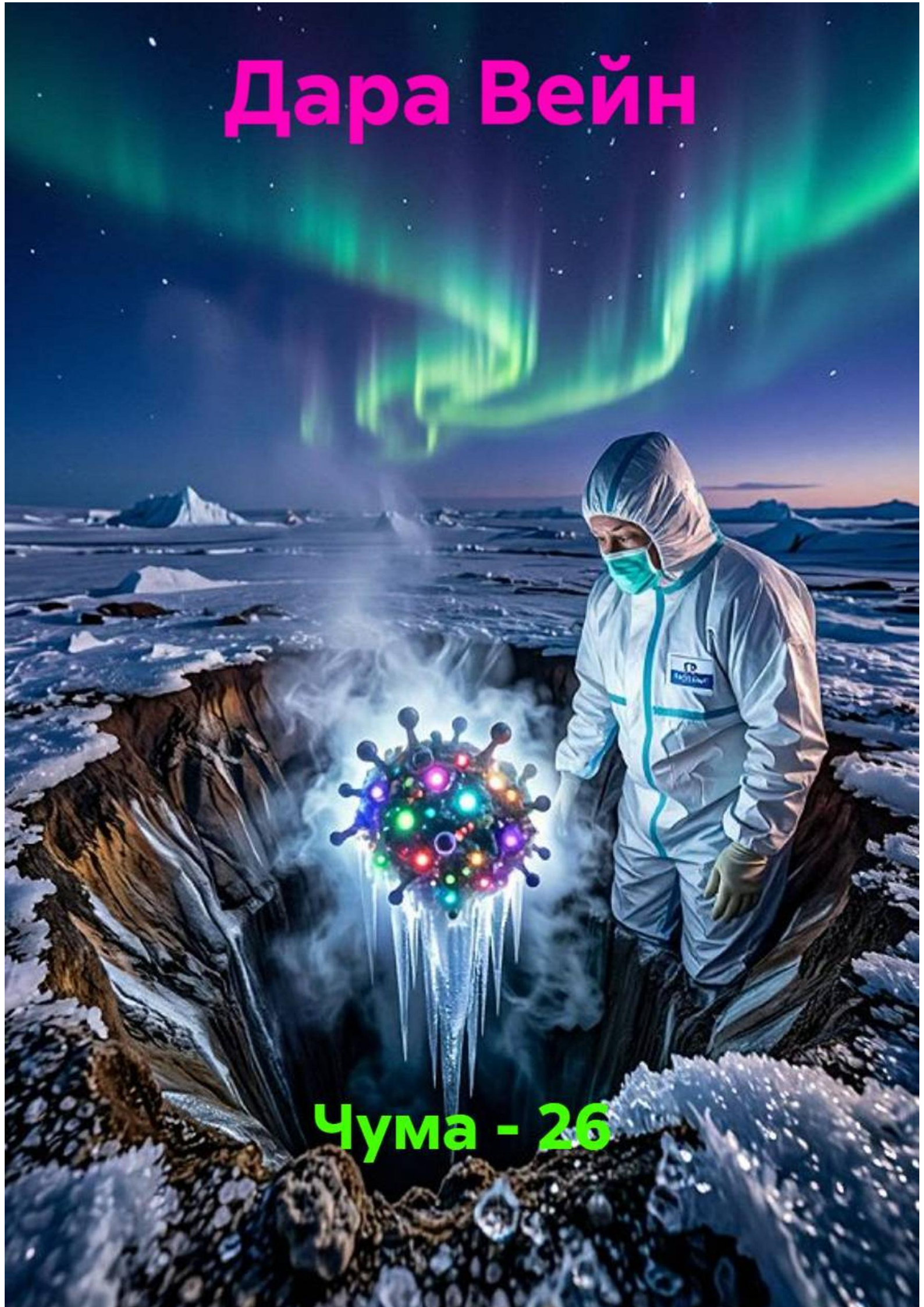

Дара Вейн

Чума - 26

Дара Вейн

Чума - 26

«Автор»

2026

Вейн Д.

Чума - 26 / Д. Вейн — «Автор», 2026

На Ямале из карстовой воронки поднимается то, что спало три тысячи лет. Доктор Анна Ковач из лаборатории «Нуклеус» узнаёт штамм раньше, чем успевает произнести «карантин», — потому что узнаёт собственную работу. Ту, что заперла в архиве двенадцать лет назад и поклялась не выпускать. Вакцину регистрируют за девяносто один день. Это будет победа. Это будет ошибка.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Чума - 26

ЧУМА-26

Повесть

Дара Вейн

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Ямал, 3 декабря 2025

Глава 1. Нулевой пациент

Глава 2. Нуклеус

Глава 3. Доза, которая не работает

Глава 4. Периметр

Глава 5. Крысолов

Глава 6. Дата, которой не должно было быть

Глава 7. Канализационные крысы

Глава 8. Виктор

Глава 9. Пожар в архиве

Глава 10. Я

Глава 11. Мать

Глава 12. Сыворотка

Глава 13. Прометей

Глава 14. Чума

Эпилог. Протокол ГЕРЫ, 2031

Об этой книге

2026 год. Вечная мерзлота отдаёт то, что хранила три тысячи лет. Бактерия просыпается в телах оленеводов на Ямале, а через восемь недель её привозят в мегаполис — в рюкзаке курьера, который развозил суши и лекарства.

Лаборатория «Нуклеус» берётся за работу. У них есть искусственный интеллект ГЕРА, тридцать два человека персонала и семь дней до того, как город закроют на карантин.

У них нет только одного — времени понять, что вакцина от этой чумы появилась в корпоративной базе данных за девяносто один день до первого трупа.

Кто-то знал. И кто-то очень хотел, чтобы об этом не узнали.

«Чума состоит из тех же частиц, что и город, — из людей, крыс, денег и ожидания».

Альбер Камю, с оговорками

Пролог. Ямал, 3 декабря 2025

Ветер здесь не воет. Ветер говорит, и говорит только одно слово, повторённое слишком много раз.

Николай Еханин нашёл брата в балке, в тринадцати километрах от стойбища. Тот сидел, прислонившись спиной к бревну, как человек, который просто устал и сел передохнуть. Только сидел он вторые сутки.

— Айка, — сказал Николай и сразу понял по лицу, что опоздал.

Лицо было чужое. Тёмно-синее, с багровыми пятнами под глазами, и шея раздута, как будто в неё накачали воды. Николай отступил на шаг, потом на второй, потому что вспомнил,

как бабушка рассказывала про 1941 год и про то, как у людей «вздувается шея и горит под мышкой».

Он не звонил никому двое суток. Он боялся, что приедут красные и заберут.

Позвонил на третьи, когда умерли ещё двое.

— Аллё, скорая? — сказал он в трубку, и голос его сорвался на визг. — У нас тут... у нас тут чума.

На другом конце линии оператор засмеялся. Вежливо, дежурно, как смеются люди, которые слышат всё подряд и ничему не верят.

Автоответчик сказал дежурным женским голосом, что вызов принят, и начал считать секунды.

Глава 1. Нулевой пациент

Диму нашли в девять сорок утра в переходе у «Парка культуры». Он сидел на кафельном полу, прижимая к груди термобокс, и его знобило так, что бокс подрагивал вместе с ним.

— Не трогайте, — сказал он людям, которые нагнулись над ним. — Там заказ. Там инсулин. Если не привезу, у меня рейтинг...

Он не договорил. Дальше был «Склиф», реанимация, и к вечеру в карту записали: «лихорадка 40,4, бубон подмышечной области, геморрагическая сыпь, шок». Дежурный терапевт, женщина с двадцатилетним стажем, посмотрела на увеличенный лимфоузел и на секунду замерла с ручкой в руке — так замирают люди, вспомнившие что-то очень неприятное.

— Откуда он? — спросила она.

— Курьер, — сказал студент-интерн. — Ноль-три, самозанятый. Приезжие квартиры, общага на Нижнем.

— Маршрут дайте мне.

— Зачем?

— Затем, — сказала она, — что у мальчика не грипп. И не менингококк. У него узел.

Она продиктовала в трубку одно слово, и через час в коридоре пахнувшего хлоркой корпуса стало тихо, как в церкви.

Глава 2. Нуклеус

Лабораторию «Нуклеус» построили в 2019-м на территории бывшего завода «Светотехника». Четыре этажа стекла, три контура биобезопасности и вывеска, на которой вместо буквы «О» в слове «Нуклеус» светился красный крест.

Анна Петрова вошла в чистую зону в 6:12, то есть на восемнадцать минут раньше, чем обычно. Её не пустили.

— Стоп, — сказала система над дверью женским голосом без интонаций. — Петрова А. И., у вас температура 37,4. Проходите в бокс три.

— Гера, у меня вчера был грипп.

— У вас вчера было 36,6. Сегодня 37,4. Вероятность того, что это «грипп», — 0,31. Проходите в бокс три.

— Она всегда такая? — спросил вошедший следом молодой мужчина в очках, запыхавшийся, с рюкзаком, на котором висел брелок в виде пельменя.

— Кто? — сказала ГЕРА. — Я вежливая.

Анна усмехнулась в маску, хотя усмехаться было некому. Ей сорок один, она здесь одиннадцать лет, и за это время она научилась одному: в лаборатории нет ничего страшнее, чем система, у которой нет дурного настроения, потому что у неё вообще нет настроения.

В боксе три её ждал кофе и академик Тарасов.

— Присаживайся, — сказал он, и это было хуже всего. Тарасов никогда не садился. Он стоял, как стоят люди, которые отвечают за четыреста рабочих мест.

— Кофе остыл. Пей горячий или не пей, но слушай.

— У меня температура.

— У тебя температура, — согласился он. — У Егорова в «Склифе» 40,4. У его соседки по общежитию — 39,8, и у неё под мышкой узел размером с абрикос. За прошлую неделю — одиннадцать похожих. За сегодня, вероятно, двадцать.

— Тиф?

— Не знаю.

— Вы не знаете, — повторила Анна. — За тридцать лет в отрасли вы не знаете.

— Знаю одно, — сказал Тарасов. — Мне сегодня с утра позвонили из министерства и сказали: «Никаких пресс-релизов». Потом из «Фармасинтеха» позвонили и спросили, не нужен ли нам «экстренный грант на диагностическую панель». Понимаешь, что это значит?

— Что они хотят денег.

— Это значит, — сказал он, — что они уже знают диагноз.

Глава 3. Доза, которая не работает

Первый посев вырос за четырнадцать часов — не за сутки, как обычно, а быстрее, и это было первое, что не понравилось Анне. Колонии на среде Чавека выглядели как «львиные головки»: гладкие центры, кружевные края.

— *Yersinia*, — сказал Алексей Вольский, наклоняясь над термостатом, будто мог увидеть что-то сквозь стекло. — Это иерсиния. Анна Ивановна, это чума.

— Не говори так.

— *Yersinia pestis*. У неё характерная морфология.

— Скажи «возбудитель чумоподобного заболевания». Напиши так. Громко так не скажешь, потому что слово «чума» в этом здании стоит три миллиарда долларов и одну войну.

Алексей снял очки, протёр их о футболку и сказал то, ради чего, собственно, пришёл:

— Антибиотик не работает.

— Что значит «не работает»?

— Я поставил диск-диффузию три раза. Стрептомицин, гентамицин, доксициклин — три линии, всё по протоколу ВОЗ. Зона подавления ноль. Не «маленькая». Ноль, как будто диск — пластмассовый.

— Плазмиды?

— Две. — Он придвинул планшет с электрофорезом. — Одна почти как *rPCF1*, вторая мне не нравится. Я её нигде не вижу. Она как будто собрана.

— Собрана.

— Склеена из кусков, которые в природе так не склеиваются. У неё рестрикционные концы, Анна Ивановна. У них всегда есть концы, когда работает рука.

— Природные рекомбинанты тоже бывают...

— Природная рекомбинация не делает так красиво, — сказал Алексей и, сам испугавшись своих слов, добавил: — То есть... я не хочу это говорить. Но вы посмотрите. Она ровная. Как строчка кода.

В лаборатории было тихо, и в этой тишине Анна услышала собственное дыхание в маске — неровное, частое, на 37,4.

Глава 4. Периметр

Город закрыли в четверг, в 22:00. Закрыли не «на локдаун», как писали в телеграмме, а по-настоящему: санитарная граница, кольцевая, четыре КПП, военная комендатура, и ленточка, которую никто не собирался перерезать.

К утру пятницы к границе приехали машины. К обеду — автобусы. К вечеру кто-то сжёг будку на восточном КПП, и дым было видно из «Нуклеуса», с четвёртого этажа, откуда полагалось смотреть в микроскоп.

— Они не понимают, — сказал Алексей, стоя у окна. — Они думают, что это про границы.

— А про что?

— Про то, что им никто не верит. — Он повернулся. — Анна Ивановна, у нас сегодня три трупа. Мы всем сказали «не выносите сор из лаборатории». Вы не думаете, что именно поэтому они там жгут?

Анна не ответила. Она смотрела, как вдоль ленты идут двое — военный и женщина в платке, и женщина что-то объясняет руками, разводя их, как будто рисует карту.

— Гера, — сказала она вслух.

— Я здесь.

— Модель передачи. Городские крысы, канализационный сток восточного сектора, температура плюс двенадцать.

— Расчёт. Период удвоения — пять с половиной суток. Пик — двадцатые числа. При текущих мерах — сто сорок тысяч случаев к середине месяца. При мерах плюс рутинная диспансеризация контактов — двадцать девять тысяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.